

Ю.Петренко

Б а т у м с к о е к а п р и ч ч и о

И.К.

галифе Иосифа Виссарионовича. танго.
усы, на которые можно облокотиться,
как на плечи друга.

бананы на приморском бульваре
физкультурница с мячом. атлеты с гантелями.
в виде бюста обозревает аллею основоположник
пролетарской литературы Мэ.Горький.

выкрашенный в салатный цвет,
он неподвижно, как жена Лота, стоит
почти в каждом парке культуры и отдыха.
многда его замещает Пушкин.

здесь влюбленные назначают свидания.
он трепетно ее ждет.

куда они пойдут культурно отдохнуть:
кататься на лодке? в планетарий? в городскую библиотеку
("Любите книгу - источник знаний")?
на кинокомедию "Свинарка и пастух"?

влажный батумский воздух доносит звуки
духового оркестра и запах мимозы.
ее летнее креццешиновое платье
оставляет открытыми руки и шею.
он и она в беседке. фотография.

х х х

река листья кувшинок напоминающие формы Ар-Нуво
вода дымится как пар дыхания октябряской ночью
проходящий через наши пальцы и уходит в никогда
звезды ночь река

ладонь помнит тепло твоей груди..
грозди смуглого? белого? винограда
пустые сады после сбора урожая
сады переполненные плодами воображения
листопад в листопаде под листопадом

х х х

однажды в сумерки душа
инкогнито вновь посетит тот город,
углы которого она узнала через тело,
в финале на полу оставленное,
как вокруг кресла волосы в цирюльне.
уборщица сметает их метлой,
соединяя светлый локон с темным.

провинция, юг, август на исходе.
кирпич за сто лет посветлевший
и потемневший известняк,
затянутые виноградом и вьюном,
поддерживают на своих плечах,
беря пример с атлантов, крыши,
чьих кровель жесть за день нагрелась,
как утюг, и ночью остывает.

нехитрыми ходами
под проводами, под окном,
откуда музыка по радио звучит,
крадется ученик,
и чердаки ему свой предлагают кров,
который и тебе служил когда-то

двор разделен на треугольники
и параллельные прямые
веревками с развшанным на них бельем —
порезанными парусами.

уставшая и располневшая Ассоль
заходит с мусорным ведром в беседку
поговорить за жизнь с соседкой.

темнеет, и закоулки —
раздолье для детей, котов, воров
становятся страной разбойников и казаков.
душа, никем не узнанный,
подвыпивший прохожий,
зайдешь как бы случайно в этот двор.
"а вам кого?" —
"да, так..." помедлишь и уйдешь.

не попадай впросак,
не возвращайся в дом,
который был на месте новостройки,
но ты не слушаешь,
и открываешь дверь ключом,
и на пороге в темноте стоишь,
а если завязать тебе глаза шарфом,
то все найдешь,
но только шарф тот почему-то мокрый.

штиль. заполночь квартал
похож на карточный дворец.
еще стоит дом угловой -
жюльверновский корабль.
давно сдружившийся с верандой
и коммунальной кухней "Наутилус",
внутри перегороженной на общий
коридор и на квартиры, -
в быт с головой ушедший чеховский
герой.

темнеют очертанья тополей.
погашенные свечи. паруса.
купы деревьев в темноте похожи
на воздушные шары, отдавшие швартовы.
к корзине через трубу печную привязан
чай-то сон серебряным шнуром,
подобием каната.
бог знает, где блуждает спящего душа.

в потемках ты читаешь на своей двери
чужое имя.
что ж, ты хотел сентиментальную прогулку
по улице, которой больше нет.

х х х

покинет ли сердце пятки
когда память мечется как январский заяц
по полям
и играет сама с собой в прятки
уставший заяц
уставшие охотники

море распирают изнутри
стада серебристых селедок и сардин
собирающихся на заброшенных пастбищах
чтобы метать икру под пение сирен
глацание ножниц в пальцах придворной модистки
делает тишину еще выше

есть ли лучшее чтение в холодную
туманную ночь чем морские рассказы?
на зубах хрустят галеты и соленый песок
под слабым моресиящим дождем -
как две лодки - кверху дном -
мы с тобой лежим на пустом пляже
в холодную декабрьскую ночь

в этот час - я это чувствую на расстоянии -
ты забираешься под кровать в угол
и сосешь ириски
в красивой коробке ты хранишь
кружевной платок цепочку фантики
и другие детские богатства
хотя тебе уже тридцать

ты рассматриваешь раскрашенную
австрийскую открытку -
на обратной стороне которой
штемпель кайзеровская марка
буквы похожие на бисер
выгоревшие за семьдесят лет чернила
отличная от нынешней орфография
порванная вуалетка
паутина

На темы сада и весны

1

поднять цветы с колен.
конец апреля, цвет натянувшие
соцветия нераспустившейся сирени.
холодная весна. парящий яблоневый сад.
безмолвный лепет веток - бёлы - опытный
воск свечи, лед на пороге в январе, -
полгода пролетело?

так илюзионист, набросив на плечи
плащ, расшитый блестками, показывает
фокус: и длится феерический полет
колоды карт в его руках.
как тихо упливает яблоневый сад.

2

запущенный, небрежный сад..
дом заколоченный. здесь год,
а может быть столетие подряд
вспоминания и тени по комнатам
закрытым бродят, к крыльцу
случайные прохожие подходят,
"на слом" читают и уходят,
а дом, каштан, сирень стоят,
но также медленно уходят
листом, цветком, упавшей черепицей,
и оседает дом под бременем
цветения весны в сон погруженный,
как маятник в часы, еще идущие
пока заведена пружина.

Уйдешь в минувший сад, и сядешь на скамейку,
над головой, над ночью будет дым сирени. —
нет улицы той больше, и срублены деревья —
ложится на тебя узорчатая тень беседки,
как прихотливая салфетка,
вырезанная старой девой,
которая жила за стенкой по соседству
с сиреню и каменным крыльцом
из четырех ступенек.

Луна взойдет над памятью и нами,
душа пойдет гулять вперед ногами,
и снова сядет на оконной раме,
как полуночный ангел, тень тех веток.

х х х

под утро тихо. окрестность угадывается за окном.
негнущиеся как свежемороженные рыбы,
деревья через дорогу. дальше туман, и ничего не видно.
"от жажды умираю над ручьем".
молчание, все спит. . . . .
"взаимности желать . . .", — закончить как строку?
февральские канканы!
хотел так много я сказать вселенной,
и целый мир обнять.
бумага похожа на рассвете на лежалый снег,
какой бывает в начале марта.

Маяковскому и Галактиону

не говорить, ни плакать, —
простора слишком много, света
и жизни, оставленной внизу
на закругляющейся по краям равнине.
о, облака — зефира кучи, —
ешь сколько влезет — не хочу.
вложенные на площадях цветы,
цветы, разбитые дождем о мостовые,
плывут с водой и градом,
и бьются о камни, о скалы,
срываясь с кручи, в реку
падают поломанные стебли, лепестки.

не сожалеть, ни говорить. —
бездолно пролетать и над страной,
и над на не спетой песней.
как тесно жить в рубашке на три
размера меньше твоего размера.

их души белеют белее, чем снег.
пустыня. рассвет. откуда приходят поэты?
почему они бьются о стены, о закрытые окна,
как птица, залетевшая в комнату,
прежде чем вырваться наружу —
через простреленную грудь или спину —
за пределы невыносимой раздвоенности.

оставив свои тела
в распоряжении санитаров и плакальщиц,
как больше не нужные, выброшенные вещи,
они уходят в тонущие в облаках горы.
в те, которые над Мтацминдой.
знаете, души поэтов хотят на волю!

развеянные по ветру стихи.
вернутся в поле, сады, лощины.
пролежав в земле, они взойдут весной.
травой, густой травой они под ветром
будут плыть по ковыгору, свободные
от рифм и поэтических приемов.

ночью качаются, стонут платаны Шиндиси.
друг другу читают стихи
Николоз, Тициан, Владимир Владимирович.
шум листвы созвучен свисту в крыльях поэтов
в их последнем неудержимом полете, когда
перекрыв взвизг лопнувших мышц,
хруст ломаемой височной кости,
поднимает голову песня,
с освобожденным от сапога горлом,
под шлепающий звук выпавшего
на мостовую мозга и вытекающей крови.
это почти шепот — вздох упавшей звезды.
с тихим хрипом души поэтов уходят на волю.

*****